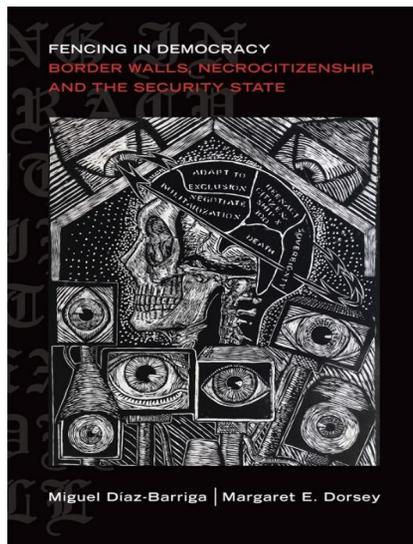

Рецензия
УДК 304.9
doi: 10.17223/2312461X/39/11

Озабоченность безопасностью – отсутствие безопасности: к вопросу о гражданстве на границе США и Мексики

Díaz-Barriga Miguel and
Margaret E. Dorsey. *Fencing in
Democracy: Border Walls
Necrocitizenship and the Security
State*. Durham: Duke University
Press. 2020. 208 p.
ISBN: 978-1-4780-0693-0

Для цитирования: Винокуров Г.Д. Озабоченность безопасностью – отсутствие безопасности: к вопросу о гражданстве на границе США и Мексики // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 237–244. doi: 10.17223/2312461X/39/11

For citation: Vinokurov, G.D. (2023) Security Concerns – Less Security: On the Issue of Citizenship at the US-Mexico border (Review of Díaz-Barriga M. & Dorsey M.E. *Fencing in Democracy: Border Walls Necrocitizenship and the Security State*. Durham: Duke University Press. 2020. 208 p. ISBN: 978-1-4780-0693-0). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 237–244 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/11

Антропологический взгляд часто обращается к границам: границам опыта антропологов и множественных Других; границам национальных государств, социальным, культурным, этническим и т.д.; воплощенности границ в физическом пространстве и их влиянии на жизни конкретных людей, так или иначе встроенных в по- и приграничные отношения. Однако сам концепт границы (border) весьма сложно определить. Вопрос о том, что такое граница, кажется простым, но на самом деле ставит антропологов в крайне затруднительное положение, застав-

ляя их пересобирать свое понимание границ и отвечать на связанные вопросы природы государства, гражданства, мобильности, миграции и др. (Reeves 2014). Книга «Ограждение демократии: некрогражданство и стена на границе США и Мексики» ставит под сомнение некоторые сложившиеся понимания границы и гражданства в антропологии и связанные с ними исследовательские стратегии, акцентируя внимание на жизнях приграничных резидентов, чей опыт часто упускается из виду исследователями, фокусирующимися на вопросах миграции и национальной политики, воспринимающих границу просто как линию на физической карте.

В этой книге из пяти глав, написанной на основе годового полевого исследования, проведенного в 2008 г. в приграничных районах США (штат Техас) и Мексики, антропологи Мигель Диаз-Баррига и Маргарет Дорси из Университета Ричмонда, США, предпринимают попытку детального этнографического исследования низового гражданского сопротивления строительству стены с американской стороны границы, инициированному федеральными властями США весной 2008 г. Резиденты южно-техасских районов – большинство которых составляют мексиканские американцы – сопротивлялись возведению стены, дополнительно огораживающей пространство приграничных районов: организовывали политические кампании, протесты и правовыми способами оспаривали стройку. Изначально исследовательский фокус был направлен на изучение низовой оппозиции строительству стены и на понимание ее значения в отношении гражданства и чувства принадлежности мексиканских американцев. Но в процессе исследования авторы пришли к выводу, что протест говорит о чем-то большем, чем просто о напряжении между доминирующими и сопротивляющимися в контексте границы: «...наше исследование ушло от истории сопротивления к исследованию способов, которыми строительство стен в приграничных районах стимулирует материальную и культурную милитаризацию региона» (р. IX–X). Возведение стен, огораживание, по мнению авторов, не только демаркирует национальные границы, но также посредством этого строительства закрепляет изменения в суверенной власти и гражданстве, которые в итоге заключают в тюрьму (imprison) население, которое они должны защищать. Именно на этих изменениях сосредотачиваются авторы.

Исследование представляет собой неконвенциональную этнографию в смысле практик, предпринимаемых исследователями. В ходе полевой работы авторы не только наблюдали, разговаривали с людьми и делали заметки, но и организовывали фотовыставки, активно используя разные визуальные медиумы, создавали онлайн-карты с местами строительства на границе, проводили экскурсии для правозащитников и социальных исследователей, а также вели учебные курсы о культуре приграничных

сообществ и практиках управления приграничными территориями. В качестве основных источников языка описания для авторов предстают работы философов Джорджо Агамбена и Ашиля Мбембе, посвященные вхождению смерти и насилия в повседневную жизнь, их становлению частью нормального порядка вещей в ситуации исключения и постоянного чрезвычайного положения (*state of exception*), требующего принятия исключительных мер. Агамбенский язык описания является центральным для всей книги: чрезвычайное положение, состояние исключения, суверенная власть и другие философские понятия становятся этнографическими инструментами, описывающими контекст американо-мексиканской границы. Не все из используемых в книге понятий могут быть точно переведены на русский язык. Иногда приходится контекстуально расширять поле возможных переводов. Так, «*state of exception*», используемое в книге, может переводиться не только как «чрезвычайное положение» с его понятными юридическими коннотациями, уже прижившимися в переводах Агамбена на русский, но и как «состояние исключения» или «ситуация исключения», отсылающие к субъективному опыту мексиканских американцев в качестве исключенных субъектов в ситуации постоянного чрезвычайного положения в приграничных районах.

Также важно отметить то внимание, которое уделяют исследователи агентности изучаемых людей – жизням и перспективам людей, живущих непосредственно на границе, чьи голоса часто заглушаются и маргинализируются в медиа и политике на национальном уровне. Анализ этой маргинализации становится стартовой точкой, с которой авторы начинают разговор о некрогражданстве и других важных для книги концептах исключения, голой жизни и чрезвычайного положения.

По мнению авторов, маргинализация мексиканских американцев сигнализирует о происходящей в США под влиянием озабоченности безопасностью трансформации отношений права и гражданства. Характер этой трансформации можно понять на примере того, как в публичном пространстве происходит дискурсивное означивание акторов, вовлеченных в сопротивление строительству стены. Федеральные политики означивают сопротивляющихся активистов как не-патриотов, как неполноценных граждан, которых не заботят интересы нации. Политики и правые активисты в своем непрекращающемся требовании все более огромных и прочных стен, более эффективных техник наблюдения и контроля, на протяжении долгих лет через подобные означивания основывали прочные способы восприятия границы и людей, живущих возле нее по обе стороны. Жители приграничных районов предстают подозрительными гражданами без должной озабоченности национальной безопасностью. Между местными активистами и федеральными политиками воздвигается своего рода дискурсивная стена, а пригра-

нические районы маркируются как военная зона и исключительное пространство. Но это положение дел оспаривается местными активистами, публично артикулирующими своё право на американское гражданство через использование патриотических символов и других стратегий переутверждения своего гражданства.

Указывая на растущую милитаризацию границ и их означивание как исключительных пространств вне порядка права, авторы утверждают, что современные исследования границ подвержены романтизации глобализации и наивному провозглашению незначимости границ (р. 7–9). Национальные границы никуда не ушли – с 1989 г. более 70 межгосударственных границ было размечено, огорожено и снабжено контролем и наблюдением. Авторы соглашаются с тем, что это объясняется стремлением национальных государств укрепить свой суверенитет в ситуации роста культурных и экономических потоков, не поддающихся прямому контролю (р. 8). Государственное насилие на границах крайне распространено и оправдывается в различных модусах. Так, в случае американо-мексиканской границы насилие со стороны национальной гвардии США по отношению к мигрантам и местным жителям оправдывается «отдаленной и суровой местностью» работы агентов пограничной службы в районе границы (р. 10). На первый план, таким образом, выходит исключительность пространства приграничных районов, оправдывающая использование исключительных чрезвычайных методов как чего-то нормального и обыденного. Насилие, нарушающее закон ради подтверждения и восстановления порядка, становится частью ландшафта нормальности – огораживание и возведение стен приводит к тому, что группы мигрантов оказываются вытесненными в отдаленные пустынные районы – в межграницное пространство, где правоохранительные органы обладают большей свободой действий в применении разных форм порой смертоносного насилия (Dorsey, Díaz-Barriga 2015). Это делает смерть и насилие в разных формах «естественной» частью гегемонного ландшафта стены на границе и США – «отнюдь не исключение в этом тотальном состоянии исключения» (р. 10).

В этом контексте авторы вводят центральный для книги концепт некрогражданства, описывающий ситуацию со статусом населения приграничных районов, чьи жизни находятся под постоянной угрозой со стороны государства, его пограничных служб и агентств, обладающих правом на применение насилия вплоть до летального. Некрогражданство как исследовательский инструмент фокусируется на милитаризации, насаждаемой государством, и на способах, через которые эта милитаризация входит в местные культурные практики и субъективности, трансформируя их. По словам авторов, «некрогражданство – это эвристический инструмент, позволяющий антропологам увидеть три взаимосвязанные политические и культурные практики, которые мы

наблюдали в поле: 1) Практики некровласти государства – вместо концентрации на жизни и благополучии своих граждан, государство больше сосредоточивается на контроле исключения и смерти. 2) Детерриториализация мексиканцев и мексикано-американской идентичности как наиболее важная, сущностная черта их статуса как нечасти нации в публичной сфере – это делает их целями для исключения. 3) Патриотическое гражданство. Мексиканские американцы на юге Техаса используют милитаристский регистр и постоянно реактивируют свои жертвы государству различными способами – через поэзию, телесность, высоко ритуализированные формы» (р. 12).

Сюжетное повествование в книге начинается с визуально-этнографического эссе, призванного продемонстрировать и оспорить визуальную гегемонию американских медиа в «национальном воображении», в котором доминируют тексты и изображения приграничных сообществ как безжизненных пространств (*no-man land*), в которых нет никакой гражданской жизни, но (что интересно) идет война, происходит крайняя милитаризация и постоянное предотвращение предполагаемой опасности (р. 21–45). Граница и ее территория репрезентируются как лунная поверхность и одновременно как милитаризованная и опасная зона с натурализированным насилием. Единственные жизни, появляющиеся на снимках в национальных медиа, – это снимки мигрантов без документов. Как подчеркивают авторы, такая позиция медиа отражает «видение государства» (р. 23). Фотография – не нейтральный медиум, так или иначе это технологическое изобретение, которое встраивается в культуру и влияет на циркулирующие в ней схемы восприятия. Поэтому авторы, используя снимки, открыто признают свою вовлеченность в локальные гражданские процессы и протесты – фотографии показывают как местных жителей и значимые для них пространства, так и самих антропологов, участвующих, слушающих и переживающих проблемы вместе со своими собеседниками, помогая создать более богатую на детали перспективу социальных процессов, нежели чем в обычных журналистских текстах, посвященных проблемам жизни на границе.

В национальном воображении исключение, смерть и безжизненность воспринимаются как естественные, само собой разумеющиеся черты приграничного ландшафта, а не как результаты целенаправленной государственной политики. Агамбенское понятие *state of exception*, изначально отсылающее к исключительным юридическим маневрам чрезвычайного положения, используется авторами для описания контекста, в котором состояние исключения становится постоянным состоянием существования для жителей приграничных районов – входит в пространство обыденной жизни (р. 46). Строительство приграничной стены – практика осуществления суверенной власти, влия-

ющая на повседневные жизни, заставляющая местных жителей жить в страхе и неведении того, что им разрешено, а что запрещено и наказуемо в рамках этого постоянного чрезвычайного положения. Суверенная власть осуществляется государством в логике отцовской защиты от сексуального насилия со стороны «мексиканских нелегалов», которых официальный дискурс маркирует как «насильников» и «наркоманов». Гендерные и расиализированные (racialized) тела женщин и их уязвимость становятся источниками и средствами для обоснования государственного насилия и радикальной милитаризации региона – государство позиционирует себя в качестве защитника белых женщин от темнокожих мужчин (р. 103–106).

Но несмотря на ограничения и ожесточённую борьбу за право определять, что будет означать граница и жизнь в приграничных сообществах, местные резиденты различными способами демонстрируют, что они обладают агентностью, принадлежат к нации и сопротивляются стремлению государства нормализовать чрезвычайное положение. Резиденты заявляют о своей принадлежности к национальному сообществу через особые ритуалы, призванные показать высокий уровень патриотизма и верности жителей приграничных районов – свое «патриотическое гражданство» (patriotic citizenship). Например, жители смешивают местные культурные практики с официальными в рамках музыкальных фестивалей, организуемых, с одной стороны, при поддержке властей и направленных на утверждение национального чувства в приграничных сообществах, а с другой стороны, наполненных местным содержанием – музыкой *conjunto*, испанским языком, локальными историями и воспоминаниями о погибших в ходе войн в «интересах государства», но также и погибших от рук этого самого государства в ситуации чрезвычайного положения (р. 51–78). Американцы мексиканского происхождения посредством этих фестивалей создают особые зоны принадлежности в более широком контексте милитаризации, отчуждения и призывов федерального правительства умереть за нацию.

В этом сопротивлении граница представляется местом, которое многие люди сознательно выбрали, чтобы жить и любить друг друга – именно это положение выдвигается как один из противовесов государственным и медийным репрезентациям, но ограничения в возможности оспорить в правовом поле федеральные политики управления границами и общий милитаризованный порядок вещей трансформируют местных жителей в некрограждан – граждан, существующих без прав и в то же самое время внутри права, чьи жизни суверенная власть оценивает с точки зрения принятия решения о том, кто должен жить, а кто – умереть.

Для этих целей государству и необходимо огораживание, которое ограничивает не только перемещение людей в пространстве, забирая

часть их прав, гарантированных демократией, но и саму демократию как форму обсуждения и диалога граждан и государства друг с другом. В условиях крайней милитаризации и чрезвычайного положения сама практика демократического разговора ограничивается и сводится к обсуждению конкретных вопросов военного насилия, например того, как улучшить патрулирование и сделать контроль границы более эффективным для государства, а обсуждение побочных эффектов этого насилия – смерти мигрантов от обезвоживания в пустынях, распространения языка вражды и взаимной ненависти и др. – вытесняются из пространства политики, те же, кто осмеливаются их задавать, означиваются федеральными политиками и связанными с ними медиа как «непатриоты» своей страны.

Интересно, что смерть становится главным вопросом государственного управления в ситуации, когда само государственное управление переживает радикальную трансформацию и возможную «смерть» суверенитета. Сами авторы задаются важными для антропологии границ вопросами: «являются ли возводимые повсюду стены и ограждения национальных государств признаком их слабеющего суверенитета? Являются ли они (стены) символической попыткой переутвердить власть государства перед лицом глобализации? Или они отражают изменения в режимах суверенности, которые консолидируют глобальное неравенство и ущемляют права собственных граждан?» (р. 154). Все эти вопросы нуждаются в этнографических ответах, которые бы смогли рассказать нам, как люди ориентируются в национальной принадлежности и государственной политике, направленной на исключение, смерть и умаление прав. Диаз-Баррига и Дорси делают именно это, предлагая важные ответы на острые вопросы, стоящие перед теорией и практикой исследований границ (*border studies*). Рецензируемая книга может быть важным источником языка концептуализации для всех, кто занимается изучением «новых» границ и влияния политик войны и милитаризации на отношения государства, гражданства, чувства принадлежности и субъектности сегодня.

Григорий Дмитриевич Винокуров

References

- Dorsey M.E., Díaz-Barriga M. (2015) The constitution free zone in the United States: Law and life in a state of carcelment, *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*, Vol. 38, no. 2, pp. 204–225.
- Reeves M. (2014) *Border work: Spatial lives of the state in rural Central Asia*. Cornell University Press.

Сведения об авторе:

ВИНОКУРОВ Григорий Дмитриевич – студент, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: grigorijvinokurov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Grigory D. Vinokurov, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: grigorijvinokurov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.;
принята к публикации 11.02.2023 г.*

*The article was submitted 01.10.2022;
accepted for publication 11.02.2023.*